

И. Ю. Кукса

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ
В ПЕРВОЙ ПЕЧАТНОЙ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ВЕДОМОСТИ»
ВРЕМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Рассматриваются публикации газеты «Ведомости» 1709 и 1719 гг. На данном материале анализируются формы авторского присутствия в газетном тексте. Демонстрируется существенная роль уровня субъективно-модальных значений, надстраиваемого над фундаментом объективной модальности, в выражении отношения автора публикации к сообщаемому. Выявляются акцентируемые авторами субъективно-модальные смыслы и средства их выражения (среди которых модально-оценочная лексика, специфические вводные и вставные конструкции, частицы). Иллюстрируется и квалифицируется модальный синкретизм газетного текста.

The article examines the potential of the subjective modality as a tool to implement the author's intentions in the texts of the first Russian printed newspaper «The Vedomosti». The article reveals a significant role of the subjective-modal meanings built over the objective modality through a number of expressive tools (modality units, parenthetical words and structures, particles). The author illustrates and qualifies the modal syncretism of the newspaper text.

Ключевые слова: периодическая печать, история отечественной журналистики, газетный текст, коммуникация, модальность, субъективная модальность, авторская позиция.

Keywords: periodical press, the history of Russian journalism, a newspaper text, communication, modality, subjective modality, author's position.

Признанная исследователями квалификация категории языковой модальности как антропоцентрической категории, отражающей позицию говорящего относительно определенного фрагмента картины мира (см., например, об этом: [2; 4; 10; 12]), определяет непрекращающийся интерес к субъективной модальности, планом содержания которой и является отношение говорящего к сообщаемому.

В соответствии с традиционной грамматической точкой зрения в состав экспликаторов субъективной модальности включается обширный перечень разноуровневых языковых средств: вводные слова и конструкции, модальные частицы, эмоционально-оценочная лексика, единицы экспрессивного синтаксиса (повторы, риторические вопросы и пр.) [11] и даже ряд конститuentов, выражающих значения ситуативной модальности (модальные глаголы и предикативы). При этом по отношению к газетному тексту их содержательно-функциональная

специфика в диахронии становится объектом исследования довольно редко. Вместе с тем с точки зрения современного подхода к дискурсу массовой коммуникации как к особому, воздействию типу дискурса, а к глобальной авторской интенции публицистического текста — как к убеждающей [5, с. 61] небезынтересно рассмотреть способы выражения отношения автора газетного текста к сообщаемому в диахроническом аспекте — в период зарождения журналистики как социального института, что и стало задачей данной статьи.

Иллюстративный материал извлечен нами из годовых комплектов «Ведомостей»¹ за 1709 и 1719 гг., то есть периодов первого и второго десятилетия XVIII в. с разницей в 10 лет. При этом существенно, что «Ведомости» 1709 г. (с февраля по июль) — года победы в Полтавской битве — в основном представляют собой реляции, донесения, письма военачальников и даже самого государя с мест баталий, комплект же за 1719 г. по традиции «Ведомостей» включает в себя зарубежные новости и в меньшей степени новости отечественные. Авторское присутствие обнаруживается и в подборе материалов, событий, фактов, и в форме их преподнесения читателю.

Экспликация субъективно-модальных смыслов в газетных текстах во многом обуславливается интенцией автора, его намерением не только продемонстрировать факты, явления, события как отражение окружающей действительности в их временной отнесенности (уже произошло, происходит сейчас или только будет происходить), но и квалифицировать их как достоверные, истинные (ложные), важные, полезные, желательные и т.д. При этом на фундамент объективной модальности надстраивается субъективный модальный пласт, отражающий отношение автора к сообщаемому с помощью целого арсенала средств (см.: [1; 8] и др.).

В определенном смысле позиция автора выявляется при квалификации им источника информации, при этом напомним, что в большинстве случаев ссылка на источник не является обязательным структурно-содержательным элементом новости, в газетном тексте часто называется лишь место, откуда получена информация (по известной формуле *Изъ — название места — пишутъ*), однако в донесениях и реляциях за 1709 г. информация всегда предваряется точным указанием на источник — лицо биографическое, реальную историческую персону, например: «...писальъ изъ армейи господинъ генераль отъ кавалерии князь меншиковъ» (1709, №1, 15)²; «...писальъ из местечка глинска господинъ фелтъмаршалъ шереметевъ» (1709, №2, 15); «От господина полковника Яковлева оуведано...» (1709, №5, 19); «Изъ ливы отъ коменданта ржевского...» (1709, №7, 20).

¹ Примеры приводятся по изданию [3]. В скобках указываются год, номер газеты и страница, на которой находится пример в данном издании.

² В приводимых примерах сохраняется орфография и пунктуация источников, но используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита *кси, пси, фита, омега, ук, иже*, а также старославянские буквы *ять, юс малый, юс большой* передаются буквами современного русского алфавита.

В годовом газетном комплекте за 1719 г. помимо подобного обозначения источника информации — например, «Реляция капитана Наума Снявина с корабля Партемуия...» (1709, №1, 251) — частотны примеры с акцентированием обобщенно-абстрактного, неофициального и даже неустановленного характера источника информации, в том числе на уровне слухов, маркерами чего чаще всего являются лексемы с прозрачной семантикой (*слух, молва*), вводные конструкции с глаголами 3-го лица множественного числа *говорят, сказывают*, предикативом *слышно*, а также с достаточно устойчивыми в этот период формулами *молва / слух носится, ведомость получена / учинилась* и под.: «Сказывают что намерение въ томъ такое есть, чтоб идти атаковать Мастрандъ, или Готенбургъ» (1719, №2, 264); «Слухъ носится, что будто Англичаня взяли три Гишпанские карабля...» (1719, №3, 267); «Получили ведомость, что Конференции на острове Аланте паки начались» (1719, №6, 279); «Сказывают, что 6 советниковъ отъ Ренского парламента уже побежали» (1719, №28, 349); «И говорятъ что те беглые почитаи все въ нашу службу идуть» (1719, №29, 354).

Таким образом, в случаях, когда автор решает указать источники информации, очевидными становятся две основные типичные коммуникативные ситуации: 1) с точным обозначением *официального источника* (в том числе писем, депеш, донесений, приказов, указов и т.д.), с указанием *исторически реальной персоны*, реже — без такого указания; 2) с обобщенно-абстрактным обозначением неофициального источника.

В первом случае имплицитно формируется значение достоверности по отношению к сообщаемому за счет доверия источникам информации, во втором — открываются возможности для еще большего проявления авторской позиции. Проиллюстрируем реализацию таких возможностей за счет дополнительного использования модально маркированных (нагруженных) средств: «Сказывают что можетъ быть вскоре поедеть онъ въ Голландию моремъ» (1719, №26, 346). В этом и подобных примерах на обозначение недостоверного источника информации наслаивается субъективно-модальное значение неуверенности и сомнения автора в том, что номинируемое событие произойдет, подчеркивается гипотетический характер новости, отнесенной к плану будущего. Иногда после упоминания недостоверного / неофициального характера источника информации автор считает необходимым дополнительно акцентировать гипотетичность сообщаемого, например: «...о чемъ время возможетъ насъ лучше изъяснить» (1719, №3, 266); «...о чемъ время лучше возможетъ намъ изъяснить» (1719, №4, 268), предлагая читателю подождать развития событий и получить в будущем либо подтверждение, либо опровержение сообщаемого.

При неустановленном / неофициальном источнике информации у автора тем не менее может быть цель подчеркнуть ее достоверность и собственную уверенность в сообщаемом, чтобы сформировать такое же отношение к новости и у читателей. Чаще всего для реализации этой цели отбираются лексические средства с важной для контекста и намерений автора семой «истинный»: «А потомъ такожь получили *подлин-*

ную ведомость...» (1709, №5, 18); «...понеже его царское величество какъ от неприятельскихъ перебежчика, такъ и от полоняниковъ *подлинное* оуведомление получилъ...» (1709, №8, 22); За *подлинно* говорятъ, что Король вначале будущаго года коронованъ быть имеетъ» (1719, №5, 275); «...*подлинно* есть, что Маркизь Карачиоли... убить» (1719, №8, 287).

В жанре реляций (донесений с места событий) коммуникативные роли автора текста и непосредственного участника событий часто совпадают, что, безусловно, повышает доверие к информации, передаваемой, что называется, «из первых уст»: «И неприятель увидель оную *нашу* наступающую на нихъ партию, в порате себя поставили за рогатками в три рядъ... где *наши* спешась наступили» (1709, №2, 16); «...чего ради *мы*... къ помянутому городу пошли» (1709, №5, 18); «Доношу вашему Величеству, сего маиа противъ 24 числа въ полночь увидели *мы* три судна... и потомъ выпалилъ *я* из пушки... тогда *я* шведской флагъ спустил и поднялъ... флагъ Россииской» (1719, №1 251); «...5 числа сего месяца продолжили *мы нашу* стрельбу» (1719, №19, 324).

Актуализаторами модальных смыслов в подобных примерах становятся лексические и лексико-грамматические средства: лексика положительной оценки, личные и притяжательные местоимения — и в целом использование тактического коммуникативного приема «свидетельство очевидца» (третьего лица — участника событий) либо даже «личное свидетельство» (от первого лица)

В числе прочего такие «эффекты включенности» постепенно формируют прообраз репортажного жанра. Недаром исследователи справедливо полагают, что многие информационные заметки в «Ведомостях» тяготеют к событийному репортажу — в них представляется зримая динамичная картина произошедших в реальности и описываемых событий: например, о действиях русской армии повествуется в третьем лице, но обязательно с местоимением *наш*: «*наши* переправились», «*наши* разбили» и т.д. [12]. Использование автором местоимения *наш* в силу специфики грамматического значения категории притяжательных местоимений (принадлежащий кому-, чему-либо) позволяет внести в квалификацию событий / фактов смысловые штрихи сопричастности, сопереживания, эмоциональной включенности в описываемые явления.

Авторское отношение к сообщаемому обозначается в том числе и с помощью инсталляции в текст специальных маркеров («авторских ремарок») — **вводных слов, словосочетаний и конструкций** со значением различной степени уверенности / неуверенности, традиционно относящихся к плану выражения субъективной модальности [6; 7]. При этом обращает на себя внимание специфика употребления данных экспликаторов с прозрачной модальной семантикой в зависимости от жанровых характеристик газетных текстов. Так, в комплекте «Ведомостей» за 1709 г. в реляциях подобные конститuentы авторами не используются, поскольку, как уже отмечалось выше, в этих типах текстов, близких к репортажному жанру, автор является непосредственным участником либо наблюдателем описываемых событий и не имеет

необходимости дополнительно подчеркивать собственную уверенность / неуверенность, а также достоверность сообщаемого. В годовом комплекте за 1719 г. экспликатеры значения уверенности / неуверенности адресанта в реальности событий и фактов используются в зависимости от намерения автора и группируются в два основных блока:

– с общим значением *проблематичной достоверности, низкой степени уверенности, сомнения автора* по поводу сообщаемого события или факта: «...принцесса Сабицкая... кажется быть великого ума» (1719, №2, 262); «И тако по видимому превеликая у нихъ во всякомъ нужда» (1719, №6, 276); «Здешний дворъ кажется не много печалится о гибели городовъ» (1719, №20, 329); «...и может быть станется такъ, что учинять оную провинцию простымъ генералитетомъ» (1719, №26, 346);

– с общим значением *категорической достоверности, высокой степени уверенности автора*: «...а в ныннешнемъ году конечно повелено отделать» (1719, №2, 260); «И въ нихъ гарнизоны быть имеютъ въ такой силе, чтобъ конечно кубанцомъ проходить въ рубежи Россииские было невозможно» (1719, №13, 260); «Въ Шведской стране уронъ конечно вдвое или втрое больши нашего» (1719, №15, 310).

Обращает на себя внимание как количественное преобладание вводных слов и словосочетаний со значением неуверенности (сомнения), так и их более обширный ассортимент с точки зрения разнообразия: со значением уверенности в рассматриваемых текстах встречается практически единственное вводное слово *конечно*, тогда как в целях выражения антонимичного значения используется целый арсенал средств, что видно даже по вышеприведенным примерам.

Таким образом, весьма отчетливо прослеживается реализация субъективно-модальных значений уверенности / неуверенности как ключевых компонентов модального поля достоверности.

Еще один заметный актуализатор авторского отношения к сообщаемому – использование устойчивых словосочетаний типа (с) *божиею помощью, слава богу* и т.п.: «...на последокъ божиею помощью наши их прогнали» (1709, №1, 15); «до света с божиею помощью напередъ зачали войска наши чрезъ мость въ лице неприятеля переходить» (1709, №5, 17); «Сие все събожиею помощью съделано безъ великой утраты людей» (1719, №1, 252); «О протчихъ здесь древнихъ и новыхъ благихъ духовныхъ и мирскихъ делахъ, слава богу, весьма видимо, твердое созидание, и истинное во всемъ осмотрение» (1719, №2, 11); *Съ помощью Божиею* оной Каравль... въ новую гавень введенъ» (1719, №11, 294).

С одной стороны, данный факт является отражением в новых текстовых (газетных) форматах ценностных основ христианского мира, воплощенных и закрепленных в проповедях, летописях, сказаниях, церковных текстах старшего периода, что подчеркивает единство и преемственность глубинных сущностных духовных ориентиров русского человека, его сакральную связь с богом, без которого невозможны ни мирские достижения, ни военные победы. С другой стороны, это один из способов представить реальные события / факты как особенно важные, значимые.

Позиция автора текста «Ведомостей» довольно прозрачно обозначается и путем использования **модально-оценочной лексики**, которая выражает как положительные, так и отрицательные эмоционально-экспрессивные реакции на исторические события и поступки их участников. Чаще всего авторская эмоционально-оценочная характеристика событий дается по традиционной шкале «хороший / плохой» с помощью качественных прилагательных *добрый, славный, храбрый, злой, худой, великий, жестокий, плохой* либо «хорошо / плохо» с помощью соответствующих наречий (предикативов): «И учинилъ съ онымъ *доброу* отпоръ» (1709, №1, 15); «Всякимъ *добрымъ* способомъ домогался в стороне цесарского величества оную склонить» (1709, №6, 2); «...при такой *безмерной трудной* переправе... малыми людьми многимъ тысячамъ противитись имъ могли» (1709, №5, 18); «Такъ все и оставили молоко, масло, и хлебъ *худой* съ корою» (1719, №6, 276); «...а цесарцы пошли за ними въ *добромъ* строю» (1719, №8, 286); «А остальные въ зело *худое* состояние приведены» (1719, №18, 322); «...арестовали въ некоторомъ британскомъ замке 17 Шляхтичевъ *зломысленныхъ*» (1719, №28, 349); «Приехали туды пять *славныхъ* юрисконсультовъ изъ Флоренции» (1719, №29, 354); «...но осаженные также *хорошо* обороняются» (1719, №30, 354). Именно в рассматриваемом годовом комплекте «Ведомостей» за 1709 г. представлено известное сообщение Петра I о победе в Полтавской битве, в котором авторская позиция ярко выражена посредством использования оценочной лексики: «Объявляю вамъ о зело *превеликой и неначаемой* виктории...» (1709, №11, 24). Иногда автор специально подчеркивает важность и значимость новости, используя эмоционально-оценочную лексику: «Получили мы две *радостные* ведомости объ изрядной надъ неприятелемъ победе» (1709, №5, 20); «...отъ коль поехалъ онъ... съ *приятною* ведомостию» (1719, №3, 268); «Сии две ведомости суть *великою важности*» (1719, №15, 311).

Модальный потенциал **частиц**, которые играют роль «интенсификаторов» авторской позиции [9, с. 35], также позволяет автору выразить отношение к событиям и фактам. Чаще всего подчеркивается исключительность, важность существенных для структуры новостной информации элементов (действия, его субъектов / объектов) путем употребления **ограничительно-выделительных частиц**: «...и драгунские полки отпустилъ, *толко* оставить при себе гранадерские полки» (1709, №1, 15); «...а большая часть немецкихъ офицеровъ... побито, но *толко* главные офицеры ушли» (1709, №8, 21); «И по некоторыхъ малыхъ разговорахъ изволилъ Его Величество съ нимъ итти въ спальню съ которыми *толко* быть Князь Куракинъ» (1719, №1, 261); «Наши люди взяли отъ оной *толко* частицу» (1719, №30, 354). Не менее активна позиция автора, заключающаяся в необходимости усиления, вычленения, актуализации значимых аспектов в информации (преимущественно о самом событии), которая выражается с использованием **усилительных частиц**: «...Неприятель оную крепость *уже* несколько разъ жестокимъ приступомъ атаковалъ, и хотя съ великимъ оурономъ отбить, и чрезъ

выласки многие людей потеряль, однако *жь* до сего времени помянутой городъ въ крепкой блокаде держится» (1709, №7, 17); «И *даже* до шведского главного квартеру, жукова, за ними гнались» (1709, №10, 23); «Многие генералы *уже* поехали отсель къ своимъ респективнымъ постамъ» (1719, №2, 264); «Галанские три корабля *уже и* пришли» (1719, №28, 349).

Употребление *вопросительных частиц*, встречающихся в рассматриваемых газетных текстах несколько реже, позволяет автору выразить сомнение в подлинности сообщаемой информации: «И *неведомо* еще *подлинно*, продолжать *ли* они свои путь» (1719, №2, 264); «...и того для нынешняго лета *едва может ли* въ окончание приттить» (1719, №14, 304). В приведенных примерах также очевиден модальный синкретизм, когда субъективно-модальные значения неуверенности, сомнения формируются за счет использования комплекса средств выражения: экспликаторов с главной семой «незнание», лексико-грамматических средств ситуативной модальности и др.

Уже в первой отечественной печатной газете такой модальный синкретизм становится еще более очевидным на текстовом уровне, когда комбинация разных модальных средств позволяет автору выразить необходимые ему смыслы по поводу сообщаемого, например не просто особо подчеркнуть гипотетичность, но и предложить дожидаться подтверждения информации: «*Разсеялся слухъ*, что Гишпанской Король отправилъ графа Пинто сюды, для договору о мире. Но обаче *потребно ожидать* въ томъ *подтверждения* прежде нежели тому верить» (1719, №3, 268); «...но понеже по всемъ симъ ведомостямъ, видна в онои Акции великая до ныне *разность*, того ради *потребно* о томъ *ожидать*, для *верного и подлинного* известия *безпристрастныхъ* авизеи и конфирмаций, которые, *может быть*, приидуть на будущей почте» (1719, №7, 284).

При этом попутно автор решает и другие важные коммуникативные задачи: поддержать интерес к событию / факту, анонсировать следующие новости по теме, привлечь и закрепить читательский интерес к ней. А такое бережное отношение к фактам, которые не проверены и могут оказаться не соответствующими действительности, по сути, в определенной мере говорит о зарождении принципа социальной ответственности — и адресанта как наиболее активного субъекта массовой коммуникации, и института журналистики в целом.

Таким образом, помимо осознанной актуализации адресантом коммуникативно значимой информации, происходит и обогащение сообщения о положении дел модально-кваликативными оттенками. В совокупности это позволяет подчеркнуть особо ценную для автора информацию и отразить его мнение по отношению к представляемым читателю событиям, фактам, явлениям, а в целом — усилить прагматический эффект газетных текстов, что довольно четко и последовательно прослеживается уже в период зарождения и становления отечественной журналистики.

Список литературы

1. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Соотношение объективной и субъективной модальности в текстах первых отечественных газет // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С. 98–103.
2. Ваулина С. С., Кукса И. Ю., Пробст Н. А. и др. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018.
3. Ведомости времени Петра Великого: В память 200-летия первой рус. газ. : в 2 вып. М., 1903–1906. Вып. 2.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
6. Кукса И. Ю. Оценка уверенности адресанта в газетных текстах XVIII века // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной, В. И. Грешных. Калининград, 2009. С. 200–206.
7. Кукса И. Ю. Субъективная модальность в газетном тексте (на примере публикаций М. Горького середины 90-х годов XIX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2010. №1 (11). С. 26–30.
8. Кукса И. Ю. Синтаксические экспликативы авторской модальности в газетном тексте (на примере «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» XVIII века) // Политическая лингвистика. 2012. №1 (39). С. 190–194.
9. Нагорный И. А. Актуализационно-прагматическая функция модальных частиц в публицистических текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. №24 (221). С. 30–35.
10. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003.
11. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
12. Солганик Г. Я. Автор как стилообразующая категория публицистического текста // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2001. №3. С. 74–83.
13. Тоцев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 184–199.

Об авторе

Ирина Юрьевна Кукса – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kiu@zf.ranepa.ru

The author

Dr Irina Yu. Kuksa, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kiu@zf.ranepa.ru